

покарает Ант или другие божества и покровители именами которых они клялись, но и за то, что клятвопреступник изгонялся из общины. Позднее же, когда стали действовать жесткие этические нормы, горца, нарушившего клятву, считали человеком потерявшим мужскую честь и достоинство, а как известно, в горах честь приравнивалась к жизни. Поэтому большинство горцев предпочитали умереть, чем быть клятвопреступником.

Вот почему долгое время в общине, данное человеком слово или обет (*нюзюр*) приравнивались клятве. Так, если мужчина в каком-либо деле говорил: «*Сез береме*», «*Сез бердим, хакъды*» — «Даю слово» или «Слово даю, клянусь» этого было достаточно. Со временем сакральная функция клятв почти утратилась и уже в обиходно-бытовых клятвах стала превалировать утилитарная функция.

Точиева М. Б.

ЧЕЛОВЕК В ИНГУШСКОЙ НАРОДНОЙ ФИЛОСОФИИ

В ингушской народной философии понятие «человек» (инг. *саг*), как самостоятельная философская категория существовала еще в глубокой древности, о чем свидетельствуют многочисленные мифы, выделяющие человека из всей совокупности мироздания, как нечто одушевленное и неповторимое. Конечно, первоначально человек рассматривался как часть природы. Об этом свидетельствует миф о золотом веке «*дунен беркат*» («земная благодать»): «Первоначально поверхность земли представляла собой ровную, пустынную твердь. Не было ни воды, ни растений, ни гор и никаких живых существ. Однажды из небес опустилась на землю отдохнуть мудрая белая птица, которая летела своей дорогой. Птица эта была настолько огромной, что покрыла своим телом всю землю. Птица, отдохнув и освободившись от своих экскрементов, улетела. *Из экскрементов этой вещицы птицы образовалась вода и семя. Вода разлилась по всей поверхности земли и образовала моря, озера, реки. Семя разнес ветер по всей земле, и появились различные растения. Так появилось на земле обилие всего: воды, растений, животных*» (Танкиев 1997: 13). Здесь пока человек не выделяется из общего массива природы, а является ее составляющей. Подобно античным философам, ингуши пытались вывести все живое

из общего первоначала. Так, например, Ферекид увидел одно из трех начал всего сущего в земле, Фалес — в воде, у Анаксимандра — это апейрон, у Анаксимена — это воздух, у Гераклита — огонь, у Демокрита — атом. Так же, как у **Фалеса** (конец VII — пер. пол. VI в. до н.э.) одним из первоэлементов сущего у предков ингушей была **вода** (инг. *хи*). Эта вода не простая, она «разумная», т.к. птица, которая оставила воду «мудрая». Но вода была только одной составной частью, другой составной частью являлось **семя** (инг. *гу*). Здесь можно наблюдать сходство с философией **Ферекида** (VII либо VI в. до н.э.), у которого семя также является одним из первоначал, из которого образовались вода, огонь и воздух, но у Ферекида это семя Зевса, а в ингушской философии это семя принадлежит мудрой белой птице.

Однако в последующем прослеживается, что постепенно человек выделяется из общей массы мироздания и рассматривается как нечто более сложное и разностороннее. Так, в мифе о центре земли, говорится: «...*Чтобы укрепить землю, бог создал горы и холмы. Над землей создал небеса и назвал их крышею земли. Потом бог населил землю всякими существами и людьми...*» (Антология 2003; 23). Человек рассматривается в двух аспектах: как часть общества и как отдельное целое, т.е. как индивид. Человек, сам по себе, — явление сложное и многогранное, ибо у каждого человека свое мышление, свое понимание мира, свои представления о добре, зле, справедливости и т.д. И, наконец, у каждого человека своя цель, свое сверхъестественное предназначение в этой жизни. Так, в мифе об устройстве мира говорится: «*имеется восемь раев и семь адов. Все они созданы для людей. Те из них, кто хорошо вел себя, попадут в рай, а те, кто вел себя плохо, — в ад. Земель восемь и небес восемь. Под землей текут реки, стоят моря, много и других чудес...*» (Антология 2003; 21). Смысл жизни человека древние философы-ингуши видят в постоянном совершенствовании своей внутренней духовной сущности. Человек есть синтез двух начал — низшего, т.е. связанного с телесной сущностью человека, и высшего, связанного с душой человека, с его духовной сущностью. Главный принцип здесь — «*поступать не так, как я хочу, а так, как правильно*». Стремление к совершенствованию — главное отличие человека от животного.

В последующем, человек рассматривается как более совершенное и разумное создание Бога. Об этом свидетельствует миф «Прежние великаны».

«*Прежде чем сотворить человека, бог создал великанов — вамплов. Они были настолько велики ростом, что, проходя под солнцем, нагибались, чтобы не сшибло с них папахи и не обожгло головы. Скот у них был такой величины, что он поедал леса, как траву. Их огромные тела не удовлетворялись обыкновенной пищей, и они при случае поедали друг друга. И все же Бог терпел, надеясь, что со временем они образумятся. Но Земля начала жаловаться богу:*

— Со дня появления на свет этих великанов я не знаю покоя ни днем, ни ночью. Они всю меня перетоптали.

Бог наслал на великанов заразную болезнь, и они все вымерли. *Потом бог создал человека. И тогда Земля успокоилась»* (Антология 2003; 30).

Миф ярко подчеркивает совершенство человеческой сущности, он создан Богом, впоследствии как усовершенствованная и самая идеальная составляющая бытия.

Библиография

Антология ингушского фольклора / Сост. И.А. Дахкильгов. Нальчик, 2003. Т. I.

Танкиев А.Х. Духовные башни ингушского народа. Саратов, 1997.

Прищепова В. А.

СЛУЧАЙ ФОТОФАЛЬСИФИКАЦИИ В МАТЕРИАЛАХ КОЛЛЕКЦИЙ МАЭ КОНЦА XIX В.

При работе с фотоматериалами часто возникают определенные сложности. Музейная документация об иллюстративных коллекциях МАЭ стала упорядочиваться лишь в первое десятилетие XX в., поэтому многие сведения об истории формирования этого фонда, особенно ее первых этапах были утрачены. До сих пор, в практике музейного дела и в публикациях используются преимущественно вещевые коллекции. Это было обусловлено тем, что абсолютное предпочтение, как в экспонировании, так и в хранении отдавалось вещам. Иллюстративные материалы считались второстепенными и поэтому почти не вводились в научный оборот.

Таким образом, далеко не всегда мы имеем необходимые для атрибуции фотоиллюстративных материалов сведения. Встречается несоответствие между данными, имеющимися в музейной документации, и реальным составом той или иной коллекции. Кроме того, первые музейные описи часто носят фрагментарный характер, представляют собой простые списки изображений, что, несомненно, снижает их источ-